

Нин Фу в ярости вскочила на ноги и, не сдержавшись, с досады пнула его прямо по ноге. Она дала себе слово, что почти не приложила усилий, но как только ее нога коснулась его, он с глухим стуком повалился на пол, а его лицо вмиг стало пугающе бледным.

— Эй, ты... — от испуга Нин Фу вскрикнула и поспешно потянулась проверить его дыхание. Убедившись, что он жив, она ни на секунду не расслабилась и тут же обратилась к Нин Цзэ: — Второй брат, кажется, дело плохо. Скорее позови лекаря!

Нин Цзэ, услышав это, лишь надменно повел глазом. Судьба раба его ничуть не заботила, и в противовес панике Нин Фу он холодно ответил:

— Рабов здесь пруд пруди, если этот сдохнет — невелика потеря.

Поскольку раб вечно смотрел на Нин Фу с какой-то дерзостью и насмешкой, Нин Цзэ никак не мог проникнуться к нему симпатией.

Однако Нин Фу упрямо покачала головой:

— Я не хочу, чтобы он умер.

Такая чрезмерная реакция Нин Фу лишь еще больше разозлила Нин Цзэ. Его лицо помрачнело, не терпя возражений, но Нин Фу, полная тревоги, подбежала к нему, приподняв подол платья, и, потянув за рукав, прошептала:

— Второй брат... неужели ты хочешь, чтобы принцесса Наньюэ решила, что я и в самом деле не умею умирять рабов, а потому намеренно отказалась его спасти, пытаюсь отделаться отговорками? К тому же, я ведь заступилась за Янь Шэн — Принцесса Наньюэ так сильно ее ранила, как я могу отступить сейчас и позволить ей торжествовать?

— Ты печешься о генерале Се? — Нин Цзэ опустил взгляд, пытаясь разглядеть истинные намерения сестры. Он ни за что не допустил бы, чтобы его благородная сестра была замешана в чем-то, кроме простого умирения, с этим презренным рабом.

Нин Фу уверенно кивнула, не чувствуя за собой лжи:

— Конечно. А ты, второй брат, о чем подумал?

Нин Цзэ промолчал, лишь на мгновение задержав взгляд на чистом лице Нин Фу. Помедлив, он в конце концов отбросил свои сомнения.

Нин Фу не знала об этом, все ее мысли были заняты состоянием раненого. Пока лекарь находился за закрытыми дверями, она приказала слугам поставить у входа в комнату грушевое

кресло, велела Цуй И и остальным отойти, а сама села ждать в тишине.

Бо Цин молчал, но спустя долгое время наконец вытянул грязный палец и указал в сторону двери.

Стоило ей подать голос, как он заметно вздрогнул и тут же попытался сбежать. Нин Фу, предвидя это, встала и громко произнесла:

— Стоять! Стоит мне свистнуть в свисток, как тайная стража немедленно схватит тебя. Лучше выходи добровольно и рассказывай все как есть, иначе, если тебя поймают, тебе не поздоровится.

Незнакомец плотно сжал губы, словно хранил какую-то тайну, но под пристальным взглядом Нин Фу все же покраснел и с трудом выдавил три слова:

— Боюсь беды.

Чтобы успокоить Принцессу Наньюэ, Нин Фу действительно пообещала усмирить двух рабов. Должно быть, этот человек и есть второй, но она не понимала, как он здесь оказался — выбраться из переднего двора было непросто.

Судя по одежде, это была арестантская роба армии Да Ли, и Нин Фу сразу догадалась: этот человек тоже был рабом из Наньюэ.

Прошло больше получаса, а из комнаты не доносилось ни звука. Нин Фу закрыла глаза, ее запястье, на которое она опиралась головой, затекло. Она собралась было подняться, чтобы размяться, как вдруг, подняв глаза, заметила в тени угла стены какую-то фигуру. Кто-то, прячась за укрытием, украдкой наблюдал за происходящим внутри.

Не успела она толком удивиться, как дверь внезапно отворилась. Старый лекарь Чэн вышел из комнаты, слегка сгорбившись, с ящиком для лекарств в руках; его лицо было серьезным.

— Как тебя зовут?

Увидев, что солдат ушел из резиденции искать лекаря, Нин Фу наконец немного успокоилась. Она разжала пальцы, сжимавшие рукав Нин Цзэ, и тут же вновь приняла подобающий принцессе вид.

— Ты ведешь себя подозрительно, словно задумал побег. Подумал ли ты о последствиях, если тебя раскроют? Говори честно, что ты здесь делаешь?

Нин Фу не стала больше допрашивать Бо Цина, переключив внимание. Она сделала шаг

вперед, но Бо Цин оказался еще более нетерпеливым — он рванулся вперед, опережая ее. Нин Фу нахмурилась и недовольно кашлянула; тот, осознав неуместность своего поведения, с угрюмым видом отступил назад.

У Нин Фу не было времени спорить с ним, она поспешно обратилась к лекарю:

— Старый лекарь Чэн, как он?

Нин Фу проследила за его взглядом и, увидев в глазах Бо Цина небывалое беспокойство, усомнилась. Даже если они были товарищами по несчастью, с чего бы Бо Цину смотреть в сторону комнаты с таким благоговением?

Поскольку Цуй И остался караулить, Нин Цзэ ушел без лишних слов. Правда, он тайком приказал Цуй И: если этот раб, очнувшись, посмеет проявить хоть малейшее неуважение к принцессе, его следует казнить, не докладывая ей.

— Бо Цин.

Лекарь пришел лишь к полудню. К тому времени Нин Цзэ уже вернулся во дворец Восточного принца: взвалив на себя бремя управления страной, он ежедневно разгребал горы бумаг, и то, что он выкроил полдня, чтобы приехать и помочь младшей сестре с усмирением диких рабов, было редким проявлением заботы.

Нин Фу прищурилась. Интересно, кто это осмелился шпионить в ее резиденции? Она грозно спросила:

— Кто там?

Ее слова возымели действие — на самом деле она лишь пугала чужака военным свистком брата, — и спустя мгновение воришка, понутив голову, вышел из-за кустов.

— Какая беда? — Нин Фу не поняла, о чем он толкует.

Допрос прошел легко. Нин Фу подумала, что этот мальчишка куда послушнее того, что лежал внутри, да и выглядит совсем ребенком — никакой угрозы. Поэтому она не стала звать Цуй И, чтобы его схватили.

Старый лекарь Чэн был живой легендой Императорской академии медицины. Хотя он давно должен был уйти на покой, император упросил его остаться еще на пару лет из-за его непревзойденного мастерства. Нин Фу с самого детства лечилась только у него, и его самоуверенная манера дарила ей спокойствие, поэтому она всегда доверяла ему больше всех.

Правда, теперь старик редко принимал кого-то, кроме членов императорской семьи, и то, что Пятая принцесса пригласила его лечить раба, вызвало немало пересудов.

Нин Фу это не заботило. Сейчас ее интересовал результат, но на сей раз лекарь Чэн был необычайно хмур. Он долго вздыхал, словно столкнулся с неразрешимой загадкой.

— Холодный яд Сиюй и огненный яд Дунчун... вынуждены сосуществовать в одном теле, пожирая друг друга и отравляя кровь. А ведь есть еще и внешние раны! Как он мог дойти до такого состояния? — старый лекарь покачал головой.

Нин Фу занервничала. Ни о каких ядах она и не слышала, но по суровому лицу лекаря Чэна поняла, насколько это опасно. Она взглянула на Бо Цина и, заметив, что тот ничуть не удивлен, еще больше утвердилась в своих подозрениях.

Если у повелителя Наньюэ нет садистских наклонностей, то как раб мог заразиться ядами двух стран, разделенных тысячами миль?

Нин Фу не стала размышлять над этим, спросив о главном:

— Есть ли угроза его жизни?

— Я поставил иглы, чтобы подавить яд в сердце, так что смертельную опасность удалось миновать. Через несколько дней он придет в себя, но от этих ядов нет полного избавления. Если они останутся в теле надолго, он попросту иссохнет. Я выпишу отвар, чтобы облегчить его страдания, но излечить... боюсь, даже величайший врачеватель не сможет.

Нин Фу слушала эти слова, и на душе у нее стало не по себе.

Она никогда не считала себя святой, но в этот раз проявила редкое упрямство, чтобы спасти человека. И теперь, когда она решила, что совершила доброе дело, все обернулось... пустотой.

На сердце стало тяжело.

— Ваше Высочество?

Голос Бо Цина вернул Нин Фу в реальность. Увидев, что оба мужчины смотрят на нее, она слегка встряхнулась и постаралась скрыть свои чувства.

Поскольку под рукой не было подходящих людей, она поручила Бо Цину взять рецепт у лекаря и сходить за лекарствами, велев быть предельно внимательным. Не обращая внимания на изумление Бо Цина, она поправила юбку и в одиночестве вошла в комнату.

Бо Цин, державший ящик с лекарствами и то и дело оглядывавшийся на уходящего лекаря, в душе тяжело вздохнул. Его хозяин на сей раз, наверное, получил то, чего хотел.

Жаль только, что момент неподходящий.

Внутри комнаты пахло легким лекарственным ароматом, похожим на полынь — запах был даже приятным.

Нин Фу задержала дыхание и на цыпочках подошла к кровати. Она подняла глаза и замерла.

Человек на кровати лежал с закрытыми глазами. В редкие моменты, когда он не выказывал своей колючести, можно было увидеть его настоящие черты. Кровь с его лица смыли, и кожа стала чистой. Раньше она лишь мельком замечала, что у него глубокие, выразительные глаза, но теперь, присмотревшись, поняла, что его лицо обладает почти ученым благородством.

Хотя какой он ученый, Нин Фу тихо фыркнула про себя.

Вспомнив, как он пытался ее напугать и втянуть в неприятности, она поняла, что эпитет благородного мужа к нему никак не подходит.

Она тихо выдохнула и, поколебавшись, подошла ближе. Вглядываясь в его нос, она прошептала:

— Эй, ты ведь так угрожающе вел себя раньше, а теперь стал таким слабым. Разве ты не был таким грозным?

Ответа, как и ожидалось, не последовало — лишь мерное дыхание поднимало его грудь.

Нин Фу покачала головой, еще немного постояла, глядя на него, и решила, что пора во дворец — задерживаться было нельзя.

Но стоило ей развернуться, как он вдруг нахмурился. То ли боль стала невыносимой, то ли его мучил кошмар, но Нин Фу поняла — сейчас ему очень плохо.

Его пальцы судорожно сжались, пытаясь вцепиться в одеяло, но у него не хватало сил. Нин Фу, сама не ведая что творит, захотела протянуть руку и дать ему немного сил. Она нерешительно занесла ладонь, как вдруг за дверью послышался шум.

— Ваше Высочество! Второй наньюэский раб сбежал, но был пойман! Прошу указаний!

Голос сяовэя Цуй И заставил Нин Фу вздрогнуть. Нахмурившись, она глубоко вздохнула. Сама

не понимая, отчего ей вдруг стало неловко, она прижала руку к груди. Сделав вид, что ничего не произошло, она отвела взгляд от его вспотевшего лица и, сохраняя спокойствие, открыла дверь.

Это действительно был пойманный Бо Цин. У Нин Фу разболелась голова, она приказала Цуй И отпустить его и добавила:

— Впредь этот двор будет отведен только им двоим. Без особого случая никому сюда не входить.

— Но я должен доложить наследному принцу...

— И по таким пустякам тоже? Может, сяовэю Цуй И стоит записывать, сколько зерен риса они съели и сколько воды выпили, а потом докладывать моему второму брату? — Нин Фу была явно недовольна.

Цуй И молча поклонился, словно его невозможно было пронять. Нин Фу не стала тратить слова и с досадой выставила всех из двора, оставив только Бо Цина.

— Ты останешься присматривать за больным. Лекарство взял?

Бо Цин сорвал с себя веревки:

— Все запомнил.

Нин Фу кивнула. Она прекрасно понимала, что в этом дворе лишь Бо Цин по-настоящему беспокоится о жизни этого человека. Хотя с ними обоими было связано множество тайн, она решила расспросить обо всем, как только тот очнется.

Весь день прошел в хлопотах. Вернувшись во дворец Чжици, Нин Фу почувствовала невероятную усталость. После легкого ужина служанки помогли ей переодеться и принять ванну с ароматическими маслами.

Теплая вода расслабила тело, но тяжесть на душе не проходила.

На следующий день она проснулась рано, позавтракала, по привычке поклонилась императрице во дворце Вэйян и, не задерживаясь, села в паланкин.

Прибыв в резиденцию принцессы, Нин Фу проигнорировала приветствие Цуй И и сразу направилась во внутренний двор. Тот все еще не очнулся. Бо Цин сказал, что ночью он дважды кашлял кровью, но лекарь Чэн предупредил, что это обычный процесс выхода яда.

Нин Фу смотрела на его бледное лицо и губы без капли крови, и ее пальцы невольно сжались в кулаки.

На третий день она хотела прийти пораньше, но императрица задержала ее: нужно было принять настоятеля монастыря Чэнъянь. Императрица была набожной буддисткой и каждый месяц в пятнадцатый день приглашала монахов для чтения молитв. Нин Фу всегда сопровождала ее, и в этот раз исключения быть не могло.

Два дня она не могла выйти из дворца, и, едва освободившись, Нин Фу с грузом лекарств поспешила в резиденцию.

Она хотела передать вещи Бо Цину, но, пройдя в малый двор, не увидела привычной фигуры, которая обычно ни на шаг не отходила от кровати. Оглядевшись и никого не найдя, она велела солдатам оставить вещи в переднем зале, а сама нетерпеливо толкнула дверь.

Едва переступив порог, она почувствовала густой, горький запах лекарств. Нин Фу прикрыла нос платком и, приподняв занавеску, заглянула внутрь.

Миновав ширму, она замерла. Мужчина лежал на кушетке: лоб его был покрыт потом, губы стали фиолетовыми, и его всего колотило в судорогах, будто он горел в огне.

Нин Фу поняла, что дело плохо. Она бросилась к нему, хватая за плечи, и в смятении попыталась разбудить:

— Эй, ты, очнись! Что происходит...

Он был в бреду, глаза закрыты, тело пылало жаром. Нин Фу коснулась его лба и тут же отдернула ладонь — жар был невыносим.

Не зная, что делать, она заметалась, собираясь звать Бо Цина. Но стоило ей убрать руку, как он внезапно открыл глаза. Это были очень красные глаза, в которых плескалась нездоровая кровь.

Нин Фу не стала раздумывать — она обрадовалась, что он пришел в себя.

— Ты, ты очнулся! Как ты себя чувствуешь?

Она не знала, что он все еще не в себе. Не успела она договорить, как он внезапно схватил ее за запястья и рывком притянул к себе на кушетку.

Нин Фу ударилась ногой, собираясь возмутиться, но тут же оказалась скована его руками. Он прижал ее запястья своей ладонью. Она никогда не была так близко к мужчине, от стыда

опустила глаза, но обжигающее дыхание на шее лишило ее рассудка от страха.

— Дерзкий... отпусти принцессу!

Он не ответил, лишь прищурившись, рассматривал ее, и во взгляде его была пугающая тьма. Нин Фу пыталась оттолкнуть его, бранила, но стоило ей открыть рот, как он крепче сжал ее руки, и резкая боль заставила ее вскрикнуть.

Этот человек... он посмел укунить ее.

Нин Фу никогда еще не чувствовала такой боли. Она не могла выбраться, слезы градом покатились из глаз, намочив подушку.

Сквозь ее тихие рыдания краснота в его глазах постепенно бледнела и исчезала, пока взгляд не стал прежним, темно-коричневым. Затем он, обессиленный, уткнулся ей в шею и снова потерял сознание.

Нин Фу замерла в шоке, забыв о боли, чувствуя, как дыхание прерывается от последнего, легкого прикосновения его губ.

В себе он или нет?!

В этот момент вошедший с миской свежего отвара Бо Цин увидел эту сцену на кушетке и чуть не выронил чашу из рук.

<http://bllate.org/book/21012/2136232>